

21 августа 1984 года.

Лето было в самом разгаре. В небе — ни облачка, над головой палило солнце, ветер не шевелил ни травинкой. Деревья и цветы стояли понурые, словно обессиленные, но в усадьбе Клана У царил образцовый порядок.

У Се с самого утра чувствовал неладное. Разве сегодня не должен быть праздник по случаю года со дня рождения младшего брата? Он специально отпросился у учителя ещё месяц назад, чтобы отметить с братом, но почему вокруг до сих пор не видно никаких приготовлений?

С тех пор как родители уехали в командировку, У Ван спал вместе с У Эрбаем — так же, как когда-то сам У Се в детстве спал со своим третьим дядей.

Позавтракав, У Се направился во двор к дяде. Глядя на безмолвную усадьбу, он почувствовал недоброе предчувствие. Если честно, это чувство появилось у него ещё вчера, после того как они вернулись из родового храма.

— Дядя, доброе утро, — войдя во двор, У Се увидел У Эрбая, который неторопливо заваривал чай, а У Вана посадил прямо на стол. Честно говоря, если бы не то, что их Ванван знал: на высоте нельзя вертеться, кто бы ещё решился оставлять годовалого ребёнка одного на столе? Хотя стол был широкий, и падать было неоткуда.

— М-м, сегодня нет занятий, а ты встал довольно рано.

У Ван, услышав шаги, даже головы не повернул, и только когда У Се подошёл, поднял глаза на брата и улыбнулся:

— Бра-а-ат.

— Доброе утро, Ванван, — У Се потрепал брата по макушке, вдохнул аромат разливающегося чёрного чая и сказал: — Я каждое утро встаю не поздно, это дядя встаёт слишком рано.

Может, потому что дядя холостяк, он каждый день проводит в спальне совсем мало времени, из-за чего и братику не даёт выспаться. У Се про себя тихонько посмеивался над дядей, выборочно забывая о том, что У Ван спит несколько раз в день.

— Опять что-то задумал втихомолку?

Хоть дядя и не был похож на третьего дядю, который постоянно якшался с У Се, но стоило ему взглянуть на племянника — сразу понимал: тот что-то замышляет.

— А? Кхм, да нет. Я вот думаю: сегодня ведь день рождения Ванвана? Бабушка раньше

говорила, что будет праздник по случаю года, а почему так тихо? Разве не будет?

— Дядя — старая лиса! — подумал У Се.

У Ван, услышав это, повернулся к дяде: день рождения отменяется?

У Эрбай подхватил У Вана на руки и усадил к себе на колени. Погладил его мягкие волосики и нежно успокоил. У Ван хоть и был мал, но всё понимал по-человечески, особенно остро чувствовал настроение окружающих. Они никогда не относились к нему как к обычному годовалому ребёнку, даже если он ещё не мог понять, о чём говорят, многие секреты при нём не обсуждали.

— Праздника по случаю года не будет, но день рождения отметим, как обычно. Про подарок не забудь.

У Се с жалостью погладил брата:

— Почему? Мы так долго ждали... Не из-за того ли...

— Сяо Се! — прервал его У Эрбай. — Что бы ни случилось, к детям это не имеет отношения. Но в последнее время много других дел, для пира сейчас не время, понял?

У Се кивнул, чувствуя разочарование. Почувствовав, что ребёнок на руках напрягся, У Эрбай поднялся и пересадил маленького племянника в рядом стоящую коляску. Похлопал его по животу, наклонился к У Вану, коснулся лбом его лба и тихо сказал:

— Но день рождения нашего маленького сокровища всё равно нужно отпраздновать как следует. Мы, свои, закроем двери и отметим, кто посмеет что сказать?

Большой лоб потёрся о маленький лоб. Почувствовав, что ребёнок успокоился от его мягкого тона, У Эрбай усмехнулся, выпрямился и, повернувшись к У Се, который подошёл к коляске с другой стороны, сказал:

— Если что-то хочешь узнать, спроси у своего третьего дяди, когда он вернётся. Сам натворил дел — сам и разбирайся.

— Ладно.

— М-м, иди играть с Сяо Ваном, смотрите по сторонам.

Вечером, как и обещал У Эрбай, вся семья собралась, чтобы отпраздновать день рождения У

Вана.

В комнате расстелили коврик, и все вольготно уселись вокруг маленького именинника. Рядом громоздились коробки с подарками.

У Ван смотрел на стоящий перед ним старомодный кремовый торт и с ожиданием уставился на У Эрбая, который достал торт. У Эрбай, улыбаясь, зажёл свечи:

— Ванван, закрой глазки, загадай желание.

Инь Инъяо сидела позади У Вана и прикрыла ему глаза ладонью, а рядом У Се ещё и поймал руки брата, сложив их в замок, на что пришлось потратить немало усилий — пухлые пальчики никак не хотели принимать такую сложную позу.

У Ван закрыл глаза и слушал, как дедушка с бабушкой, дяди и брат пели ему песню на день рождения, и молча загадал:

— Пусть все родные будут здоровы, пусть у папы и мамы всё будет хорошо на работе, пусть третий дядя скорее вернётся домой, пусть брат будет всегда счастлив, и пусть эта прекрасная жизнь продлится как можно дольше.

Когда У Ван загадал желание, У Се наклонился к тарту, надул губы и показал брату, как задувать свечи. У Ван послушно повторил за братом, надул щёки и начал дуть:

— Пф-пф...

Подул несколько раз, но свечи всё горели. У Ван не сдавался, сполз на пол, встал на четвереньки и продолжил дуть. После долгих усилий свечи наконец-то мигнули и погасли.

У Се с укоризной посмотрел на дядю: что за свечи он купил — ни за что не гаснут! Теперь он боялся даже подумать, сколько слюней брата попало на торт.

Но потом У Се, увидев, что торт остался совершенно целым, понял — он недооценил брата! Маленький ротик, в котором ещё и зубов-то почти нет, оказался плотно закрыт — ни капли слюны не вылетело. Хотя, если честно, он бы и слюни брата не побрезговал.

У Лаогоу с улыбкой сунул в руку У Вана пластиковый нож. Глядя, как тот не может удержать рукоятку своими короткими пухлыми пальцами, он не смог сдержать смеха. У Се, смеясь, накрыл рукой руку брата вместе с ножом и помог ему разрезать торт, специально отрезав два маленьких кусочка и три больших.

У Се сам день рождения праздновал в марте, но он терпеть не мог вкус торта.

И тут вдруг чья-то рука потянулась и взяла маленький кусочек. У Се хотел взять, но увидел, что рука просто взяла торт и унесла. У Се проследил за рукой — бабушка!

У Лаогоу, глядя на недоверчивый взгляд старшего внука, невозмутимо открыл рот и откусил кусок. Он тоже не любил эту заморскую еду:

— Сяо Се, я уже старый, много сладкого мне нельзя.

Что оставалось У Се? Только со слезами на глазах съесть торт, заодно прикончив и тот кусочек, от которого брат откусил пару раз. На ужин У Ван уже съел миску лапши долголетия, больше нельзя — живот заболит от переедания.

У Ван лежал на коленях у бабушки и смотрел, как У Се ест торт. Брат такой хороший!

После торта настала очередь открывать подарки. У Лаогоу свистнул — свист был звонким.

С грохотом дверь распахнулась, и в комнату вошла рослая куньминская овчарка. Подойдя к У Лаогоу, она разжала пасть, выронив то, что несла, на коврик, и жалобно заскулила. Оказывается, у неё в пасти был щенок.

Куаньвэнь — трёхлетняя взрослая собака породы куньминская овчарка, в обычные дни охранявшая усадьбу Клана У. Назвали её так, потому что среди всех братьев в помёте у неё была самая широкая пасть.

У Лаогоу поручил ей сюрприз на день рождения, и она всё это время, не издав ни звука, сидела за дверью со щенком в пасти. У Лаогоу погладил Куаньвэнь по спине, та, выполнив задание, размяла затекшую пасть и тихо отошла в сторону, легла и стала наблюдать.

У Се и У Ван уже не отрываясь смотрели на щенка на коврике. Малыш был размером с два кулака взрослого человека, шёрстка у него была редкая и мягкая, как бархат, лапки ещё поджаты, розовый носик тянулся в сторону У Вана, и если прислушаться, можно было разобрать слабый скулёр.

— Это ши-тцу. Мы вырастим её, чтобы она была с тобой, пока ты будешь расти. Сейчас она ещё маленькая, поживёт пока у бабушки, а потом я отдам её тебе.

Ши-тцу, ещё называют собачкой-львом или хризантемой, родом из Тибета, её происхождение восходит к X веку. Характер весёлый, сочетает мягкость и смелость, сильно привязывается к хозяину, подходит для детей.

У Лаогоу лично выбирал этого щенка из нескольких помётов. Когда суки были беременны, им подстилали одеяла, которыми пользовался У Ван, а после рождения щенков заворачивали в его одежду, поэтому на коврике он и тянулся в сторону У Вана.

У Се с детства был гиперактивным ребёнком — озорным, самоуверенным, весёлым, подвижным, дружелюбным, и частенько вместе с У Сانشэнем разносил дом.

По сравнению с братом У Ван казался чересчур спокойным. Ши-тцу — собака эмоциональная и дружелюбная, и У Лаогу надеялся, что она сделает У Вана более капризным и живым.

У Се тем временем чуть не пускал слюни от зависти. Почему у него не было своей собаки, которая росла бы вместе с ним? Но, поразмыслив, он вспомнил, что из всех собак в доме Клана У, кроме бабушки, к ним подпускают только бабушку, да и дяде иногда удаётся их погладить.

А он с третьим дядей — те, кого собаки откровенно «недолюбливают». Не то чтобы слушались — они ещё и не закатывали на них глаза, и то хорошо.

Особенно старые заслуженные собаки, которых даже У Эрбай почтительно называл «брат пёс». Так что, подумав, У Се решил, что пусть лучше собака будет у брата, а он уж как-нибудь попросит погладить.

— Ладно, щенку пора пить молоко, завтра на него посмотрите, — У Лаогу позвал Куаньвэнь, и та снова взяла щенка и ушла. У Ван провожал её взглядом, пока собака не скрылась за поворотом, и только тогда отвлёкся.

Кроме щенка, У Ван получил от бабушки полный набор украшений из чистого золота: замок долголетия, браслеты, золотые палочки для еды и прочее.

Дядя сказал, что его подарок уже лежит в комнате, и он увидит его, когда вернётся. Затем он достал две коробки и передал их У Вану:

— Это подарки от твоих родителей и третьего дяди. Они передали их мне перед отъездом. Хочешь посмотреть, что там?

У Ван, с сияющими глазами, прижал коробки к груди и, подняв маленькие ручки, показал их брату:

— Мама, смотри... Бра-а-ат...

У Се понял, что брат просит помочь открыть. Сначала он открыл коробку от родителей, развязал красный бантик — внутри лежала деревянная табличка.

— Ого, это же след ножки Ванвана! Как мило! — У Се протянул табличку У Вану и, прильнув к брату, сказал: — Это папа с мамой сами вырезали. У меня есть такая же, мы с тобой — пара.

У Ван прижал табличку к груди и засмеялся:

— Бра-ат — пара!

У Се рассмеялся, подхватил брата на руки и покачал:

— Ага, с братом мы — пара.

Инь Инъяо посмотрела на табличку в руках У Вана. Такая же, как у У Се — из старой заготовки хайнаньской хуанхуали, высшего сорта. Но резьба была гораздо лучше, чем на табличке У Се. Видимо, У Ицюн и его жена серьёзно оттачивали своё мастерство.

— А теперь посмотрим, что приготовил Саньшэн, — подал голос У Лаогоу. — Испортил праздник в честь года для Сяо Вана — если не подарит ничего хорошего, пусть возвращается и идёт стоять на коленях в храме.

— Ага, ага, хорошо, — У Се опустил У Вана и поставил перед ним другую коробку. У Ван с любопытством заглянул внутрь — это был ещё один квадратный футляр. У Се открыл крышку и увидел — любимые древние монеты третьего дяди!

У Ван с недоумением смотрел на эти жёлто-зелёные, странной формы штучки. Они что, заржавели? Надо отмыть?

— Ха, третий на этот раз раскошелился. Целый набор древних монет эпохи Воюющих царств. Собрать такой — немалых трудов стоило, — У Эрбай, глядя на подарок, усмехнулся.

Он только взглянул на верхний слой и увидел там несколько монет отличной сохранности, включая «гунтунь чицзинь» и «санькунбу». Неудивительно, что У Саньшэн, когда отдавал ему подарок перед отъездом, был так расстроен.

У Саньшэн изначально не хотел устраивать скандал перед праздником в честь года своего маленького племянника. Как бы то ни было, его любовь к детям была ненаигранной. Но начальство торопило, а сроки сбора группы для экспедиции в Сиша изменить было невозможно. В этот раз у него была причина ехать, и он рассчитал время возвращения так, чтобы не пропустить день рождения.

Но он не мог и предположить, что всё в жизни так переменчиво и планы меняются быстрее, чем ожидаешь.

Приглашения на праздник разослали заранее, гостей собралось много, и отмена в последний момент доставила немало хлопот У Лаогоу и остальным. Ребёнок тоже долго ждал, и из чувства вины У Саньшэн второпях заменил давно подготовленные подарки этими.

У Ван не понимал ценности этих вещей, но по тону дяди понял, что они, должно быть, очень дорогие. Он растерянно посмотрел на дядю. У Эрбай взял на руки встревоженного У Вана и

принялся успокаивать:

— Это всё подарки твоего третьего дяди от чистого сердца. Как бы ни были ценны эти вещи, они не дороже нашего Ванвана. Это просто подарок на день рождения, не бойся.

— Вот именно! Эти штуки ни съесть, ни поиграть. Ванван, не переживай, я уберу их для тебя, — сказал У Се и, закрыв коробку с монетами, отложил её в сторону. Главное, чтобы брат был счастлив. С этими словами он начал щекотать У Вана.

У Ван, сидя на руках у У Эрбая, залился смехом, его большие глаза от удовольствия сощурились, он уворачивался от брата.

Наигравшись, У Ван повернулся, обхватил дядю за шею и звонко чмокнул его два раза:

— Спасибо, дя-дя. — Потом поднял ручки и с трудом сложил их сердечком: — Люблю, дя-дя.

Сказав это, он по очереди подполз ко всем взрослым, обнимал их и целовал.

— Люблю, де-душка.

— Люблю, ба-бушка.

— Люблю, па-па, ма-ма, дя-дя.

Наконец он добрался до У Се, вцепился в его одежду, встал на ножки и звонко чмокнул брата в губы:

— Люблю! Люблю, бра-а-ат!

Все слушали, как У Ван, слегка шепелявя, без конца повторяет «люблю то», «люблю это», и складывает пухлые ручки в некое подобие сердечка, растягивая слова, — умиление было всеобщим.

— Малыш, какой же ты милый!

— Ты самый милый ребёнок на всём белом свете.

У Ван улыбался, щуря глаза, и в душе тихонько качал головой: это они — самые милые родные на всём свете.

А когда он, закрыв глаза, засыпал в новой резной кроватке, подаренной дядей, то всё ещё переживал это счастье. Сегодня был его первый день рождения, который он запомнил, и самый незабываемый, самый прекрасный день рождения в его жизни.

<http://bllate.org/book/21354/2170930>